

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-5-1-02>

УДК 81

СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА РЕЧЕВЫХ СОБЫТИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ АРТЕМИЯ ВЛАДИМИРОВА «С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА»

Н.А. Бурмакина (Красноярск, Россия)**О.С. Хлякин (Красноярск, Россия)**

Аннотация

Статья посвящена проблеме описания семантической и структурной организации соотношения объекта и субъекта речевых событий в автобиографическом произведении. Источником исследования является текст Артемия Владимирова «С высоты птичьего полета». Обращение к этому автору объясняется в первую очередь его личностью. Протоиерей Артемий является ныне здравствующим членом Союза писателей России, а также заведующим кафедрой гомиластики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, заместителем декана факультета православной культуры Академии ракетных войск стратегического назначения.

Цель данной работы: определение особенностей реализации субъекта и объекта речевых событий в индивидуальной языковой системе Артемия Владимирова.

Предметом исследования являются функциональные особенности лексико-семантической организации объектно-субъектных соотношений в избранном тексте. Эти соотношения являются выразителями большой эмоциональной, эстетической и смысловой нагрузки; выступают определяющим компонентом языковой картины мира произведения; используются автором в качестве основных средств в характеристике ведущих ценностей творчества А. Владимирова: жизнь, смерть, Бог.

Ключевые слова: *субъект речи, объект речи, лингвистический анализ текста, индивидуальная языковая картина мира произведения, ценности, языковая личность, личность автора.*

Вопрос соотношения объекта и субъекта речевых событий в художественном произведении рассматривался отечественными лингвистами с конца 50 – начала 60-х гг. XX в. (В.В. Виноградов, М.М. Бахтин), он получил свое развитие в 70-х (Б.О. Корман, Г.В. Колшанский, Р. Якобсон), 80-х (Н.Д. Арутюнова, Е.А. Гончарова), 90-х (А.Л. Потебня, Н.М. Шанский, Т.Г. Винокур) и продолжает быть актуальным (Н.С. Болотнова) [Болотнова, 2003]. Ведущие лингвисты обратили внимание на данную проблему в контексте поиска новых путей для выявления авторской позиции. Работа в этом направлении представляется перспективной и в аспекте лингвистического анализа текста.

Выражение авторских намерений в художественной речи (в лексике, синтаксисе), т.е. семантико-стилевая категория автора как центра речевого мира произведения, разработана В.В. Виноградовым. В начале 70-х гг. Б.О. Корман, осно-

вываясь на суждениях В.В. Виноградова об «образе автора» [Виноградов, 1959, с. 38] и учитывая концепцию М.М. Бахтина о диалогичности «смысловых позиций» [Бахтин, 2012, с. 328] в произведении, выделял не стилистический, а идеологический аспект явления; рассматривал автора как «носителя концепции всего произведения». В западноевропейской нарратологии в данном случае употребляются понятия «имплицитный автор» (В. Бут), «подразумеваемый автор» (Ж. Женетт), «абстрактный автор» (В. Шмид) [2003]. Имплицитному автору соответствует имплицитный читатель [Гончарова, 1984, с. 73].

Одним из основных средств раскрытия авторской оценки изображаемых людей и событий является речь повествователя, то, как писатель рассказывает о жизни, какими словами и оборотами характеризует он своих героев и т.д. Различают, таким образом, субъект речи и объект речи [Романова, 2004, с. 201].

Б.О. Корман под объектом речи понимает «все то, что изображается, и все, о чем рассказывается: это люди и их поступки, предметы, обстоятельства, пейзаж и события, под субъектом речи – того, кто изображает и описывает»; рассказчик организует своей личностью весь текст и более выявлен, чем повествователь: «он является не только субъектом речи, но и объектом» [Корман, 1972, с. 20, 34].

В произведении «С высоты птичьего полета» можно говорить о таком соотношении: автор биографический – читатели современные, реальные; временное соотношение субъекта и объекта речи: современная Россия и СССР 60 – начала 70-х гг. XX в. Автор реализуется в тексте посредством рассказчика.

Автор повести является одновременно и главным героем описываемых событий. Их разделяют лишь временные рамки. Мальчик Артем – как объект речевых событий – перемещается во времени, по стадиям своего взросления, описываемого в произведении. А автор Артемий Владимиров – как субъект речи – находится в статичном временном отрезке. Именно в этом соотношении нам и интересно данное исследование.

Перед основным текстом мы видим посвящение «Моей бабушке Любове Васильевне Севей посвящается». Через это посвящение читатель легко принимает возраст объекта речи, настраивается на историю внука, который за что-то очень благодарен бабушке. Далее следует название книги «С высоты птичьего полета». Это следующий сигнал для адресата речи. Рассказывая историю, автор оценивает ее с позиции его сегодняшнего эмпирического опыта. Субъект речи не просто вспомнил, а осмыслил описываемые события, сделал выводы. И этим решил поделиться со своим читателем. И наконец, подзаголовок «Воспоминания о годах детства, отрочества и юности... в тридцати трех главах и еще одной». Субъект речи специально разделил его многоточием на две части. Это символ. Ведь жизнь автора тоже поделена пополам. Это годы без веры в Бога и жизнь «во Христе». Первая половина жизни Артемия Владимирова прошла без веры, в земной суете, и она обозначена как констатация жизненных этапов «детство, отрочество и юность». Вторая половина подзаголовка имеет сакральный смысл. Тридцать три главы как символ возраста Иисуса Христа, сына Божьего. «И еще одна» – для того чтобы адресат

осознал, что автор не отождествляет себя со спасителем, он следует за ним и почитает его. Можно разглядеть и еще один смысл в этой части подзаголовка. Ровно тридцать три года прошло со смерти любимой бабушки Любви до написания данного произведения. Именно она открыла для протоиерея дорогу к Богу. Такой путь проходят многие соотечественники, что подтверждается данными ассоциативных экспериментов [Васильев, Васильева, Тимченко, 2015, с. 87–93].

Нами выявлено, что композиционно большинство глав построено по принципу христианской проповеди. В начале приводится тезис («устаи младенца глаголет истина», «дети есть суть своих родителей»), затем идет его раскрытие с опорой на житейский опыт (в нашем случае это воспоминания о детстве автора) и в заключение автор прозревает промысел Божий: чтобы ни делал человек, всевышний неуклонно следит за ним и ничего не свершается без воли его на то. И в этом, несомненно, проявление субъекта речи: «ответ Небесного Отца: “Вот ты ныне держишь в руках удочку и хочешь поймать этих рыбок. Пусть исполнится твое желание. Но пройдет известное Мне одному число лет, и Я сделаю тебя ловцом человеков. И тогда ты вспомнишь Того, Кто послал тебе удачу в сегодняшний день”» [Владимиров, 2012, с. 82].

Мы определили, что объекты речевых событий никогда не существуют отдельно от субъекта. Во всех проявлениях своих героев и их реалий незримо отражен субъект речи. Автор сознательно исключает из повествования эпизоды своего детства, где не видит или не может увидеть «десницу Божью». Протоиерей запечатлел самые знаковые, по его мнению, моменты и через рефлексию передал это на суд читателю. Однако писатель всегда оставляет возможность и адресату речи предаться рефлексии. Обобщающие и вовлекающие, призывающие читателя к воспоминаниям предложения есть практически во всех главах книги. Автор намеренно говорит о том, что те выводы, к которым он приходит на страницах своего произведения, это только его мнение, что он не претендует на его абсолютизм.

Первая глава под названием «Ясли» начинается с философских размышлений субъекта речи о «памяти человеческой», на которой (памяти) и основана вся книга. Тут же идет обращение к Богу, который воскресил все изображаемые картины в памяти протоиерея. Таким образом, сразу проявляется жизненная философия автора – «Господи, Тебе ведомо все из прошлого и будущего судеб человеческих...» [Владимиров, 2012, с.10]. Далее субъект речи переходит в ее объект «помню себя в яслях». Перед читателем рисуется картина пребывания в этом воспитательном заведении двух братьев-близнецов. И как самое яркое и запоминающееся, а значит, и самое приятное, описывается сцена встречи братцев с мамой после пятидневной разлуки.

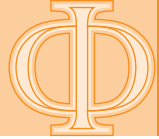
Но все объекты речи (ясли, воспитатели, нянечки, воспитанники) не имеют объективного существования. Они не наделены в этом эпизоде четкими характеристиками и индивидуальными чертами. Есть только обобщенные мысли и воспоминания субъекта речи. Единственный ярко выписанный объект речи – образ мамы. Слово «мама» – употреблено автором в своем первом, прямом значении – ‘женщина по отношению к своим детям’ (Ожегов, 2013, с. 281). Кроме того, слово «мама» да-

ется автором с большой буквы. Это позволяет говорить о высоком почтении протоиерея к родителям, так как только слова Небесный Отец и Мама употреблены в тексте с заглавной буквы, что проявляется в словах субъекта речи: «О чудо материнства!.. О счастье воссоединения с той, которая, носив нас двоих во чреве, носит и поныне в сердце своем, никогда не скудеющем любовью» [Владимиров, 2012, с.15]. Синтаксис анализируемых фрагментов текста сложный, что направлено на создание у читателя возвышенного, уважительного отношения к своим родителям.

Композиция главы круговая, цикличная. В заключение снова выступает субъект речи с подведением итогов всего описанного: «Боже правый! <...> пусть малыши всегда видят бездонные материнские очи, через которые Ты, Христе Спасе, глядишь в их сердца и освещаешь детские души светом Своей радостотворной любви!» [Владимиров, 2012, с.15]. В данном отрезке употреблены стилистически высокие слова «очи» и «радостотворной», которые позволяют автору соотнести значимые в своем единстве для неокрепших душ малышей Божественную благодать и родительскую любовь. Субъект стоит над объектами. Нет в данной главе героя-резонера. Автор высказывает свою позицию сам, от первого лица, напрямую обращаясь к читателям-современникам. В ткани текста размышления автора и описываемые события являются равновеликими.

Объективная сторона речи представлена в четвертой главе «Павлин» общеупотребительной лексикой, а вот синтаксические конструкции сложны, что позволяет нам сделать вывод: автор опять говорит с читателем о простых реалиях своего детства, но отношение к ним у него непростое. В начале главы сформулирован известный тезис: «Устами младенца глаголет истина» [Владимиров, 2012, с. 27]. И следуют размышления автора о том, что «малыши суть дети своих родителей». Объектом изображения выступает рассказ о походе в гости на семейный праздник, где многочисленной детворе во время ожидания обеда был предложен просмотр диафильма про павлина. Фильм повествовал о том, что «осанистый павлин с роскошным хвостом стал предметом общего внимания прочих птиц» [Владимиров, 2012, с. 29]. Автор делает пояснение: «советская мораль 60-х годов XX века всего прежде воспитывала в гражданах чувство коллективизма, которому претили какие-либо попытки выделиться из общей массы скромных и честных тружеников» [Владимиров, 2012, с. 29]. Заканчивался диафильм тем, что каждая птица по решению товарищеского суда выдергивала перо из хвоста павлина и высказывала свое полное презрение к нему. «Советская справедливость восторжествовала» [Владимиров, с. 30]. Но братец Митенька вдруг зарыдал «Па-а-вли-и-на жа-а-алко!» [Владимиров, 2012, с. 31]. Успокоился братец только приглашением к праздничному столу, где тут же забыл о своем сострадании к пернатому и уплетал плов с жизнеутверждающей улыбкой.

В заключение автор подчеркивает временную разницу между описываемыми событиями и моментом создания книги – 45 лет – и резюмирует: «Как ни ряди, а павлина действительно жалко...» [Владимиров, 2012, с. 32]. Многоточие в конце этого предложения должно заставить читателя поразмышлять. Но не над судьбой птицы, а над судьбами людей, живущих в то время, выражающих ту мораль и общественные устои.

Таким образом, субъект речи поднял актуальный и по сей день вопрос о толерантности, терпимости к людям, отличающимся от большинства. Будучи ребенком, с чистой и беззлобной, не имеющей умысла душой, мальчик высказал ее искренний порыв. Ребенок свободен от условностей современного общества и мыслит простыми категориями добра и зла. Для него очевидна данная несправедливость. Но это заботит ребенка лишь до тех пор, пока его не отвлекают естественные инстинкты. Ребенок – чистый лист, но т.к. в начале главы автор заявил, что дети суть своих родителей, мы можем сделать вывод, что это зеркальное отражение их потаенных мыслей. Интересна эта сцена еще и тем, что главным объектом речевых событий здесь выступает не главный герой Тема, а его брат. Да, они единоутробные близнецы, все у них общее и одинаковое, но реакцию дает именно Митя. Что это? Очередная демонстрация того, что Тема более земной, подверженный внешним моральным принципам человек, в отличие от Мити. Митя восприимчивее, мыслит более возвышенно. В нем идет мыслительный процесс, он познает мир через собственное душевное зеркало, незамутненное общественной моралью времени. Субъект речи разделяет его позицию в настоящем, пройдя долгий путь – 45 лет. Объект же речи (Тема) заложник общественных устоев, его взгляд затуманен.

Автор окончательно разводит своих героев братьев-близнецов в шестой главе «Музыка». Если раньше они существовали всегда в одном пространстве и одних обстоятельствах, то в этой главе близнецы разделились окончательно. Объектом речевых событий становится описание того, как у Митеньки проявился и стал развиваться талант игры на пианино. Темочка же подобного таланта не обнаружил в себе. И хотя сделал некие успехи в игре на скрипке – это не было и не стало его призванием, это не захватило его. Уменьшительные формы имен героев автор использует для проявления своего отношения к персонажам как к маленьким и неразумным детям.

Такой неожиданный разрыв близнецов писатель описывает так: «Кажется, грубость ответа обусловлена была непонятным и весьма неприятным для меня чувством, возникшим оттого, что у брата появилось в жизни что-то совершенно от меня сокровенное. Думаю, что на русском языке это называется зависть... А может быть, ревность, смешанная с детским самолюбием. <...> Брат восходил по ступеням совершенствования, покуда я пресмыкался в тщетных попытках преодолеть собственные строптивость и лень, вылезавшие наружу всякий раз, когда нужно было садиться за инструмент. <...> Апофеоз моих “страданий” пришелся на тот момент, когда Митя готовился лететь (первый раз в жизни!) в неведомый город Тбилиси для участия в конкурсе юных музыкальных талантов. Уже в аэропорту бабушка и я с волнением стояли близ братца, как наконец тот, белобрысый, с веснушками, весь светившийся от счастья, помахав нам ручкой, шагнул за черту, которая отделяет пассажиров от провожающих. О, как защемило мое мальчишеское сердце! Не выдержав обуревавших меня чувств, я громко заплакал. Впервые жизнь разлучила единоутробных братьев, для которых целый мир всегда делился на равные половинки» [Владимиров, 2012, с. 40–41].

Многоточие после слова «зависть» должно заставить читателя поразмыслить над этим фактом. Пробудить в его памяти схожие моменты из своего детства. Словоформа «братца» отражает нежное, любовное отношение автора к своему брату и подчеркивает его расположение к нему. Восклицательные предложения показывают возбужденность и трепет объекта речи Артема, а внешние характеристики образа Мити – его искренние желания. Сложность синтаксиса – усиливает впечатление значимости всего происходящего для героев.

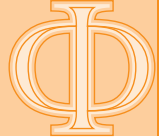
Мальчики пошли каждый своим путем, но второй начал чувствовать свою ущербность по отношению к первому. И в завершение автор все же дает надежду и своему герою («Тогда, в аэропорту, мне еще не приходило на ум, что вовсе бесталаных людей не бывает» [Владимиров, 2012, с. 43]) и всем читателям («Изобилие одного восполняет скудость другого. Ущербный в одном может оказаться бесконечно богатым в чем-то ином. Мы связаны “круговой порукой добра”» [Владимиров, 2012, с. 43]).

Для субъекта речи очень важно было подчеркнуть в очередной раз свою зурядность, отсутствие особых дарований и талантов и показать, что по прошествии времени он все же смог обрести себя, найти свое призвание просто обретя веру, уверовав в Создателя и его дары. Он наталкивает читателя на мысль о том, что никогда не поздно обнаружить в себе нечто особенное, ведь совсем бесталаных людей нет. Интересно употребление слова «бесталаный» – ‘несчастный, обездоленный’ [Ожегов, 2013, с. 51], а не ‘лишенный таланта’. Ведь автор говорит не о даровании, а о обретении себя в жизни.

Читателю предлагается история о первой любви мальчика Артема в десятой главе. Случилась она во втором классе с появлением в коллективе новой ученицы. Мальчик был влюблен не столько в саму девочку, сколько в ее прекрасный голос. Описание объекта любви (голоса) представлено эпитетами «чистый», «волшебный», «прекрасный». Дети даже никогда не разговаривали, но этого и не нужно было для существования этой чистой и краткосрочной любви. Девочка Марина быстро перевелась в другое учебное заведение, но песня в ее исполнении «С чего начинается Родина» навсегда отпечаталась в памяти Артема. Будучи уже взрослым человеком, по прошествии большого периода времени он сочинил новый текст на эту мелодию. И, несмотря на запрет правообладателей, песня «сама пошла путешествовать по городам России» [Владимиров, 2012, с. 66]. Мы видим олицетворение «песня пошла» – подчеркивается независимость судьбы произведения от автора. Далее приводится новый текст песни. Никакого завершающего слова не следует.

Субъекту речи важно было выразить следующие мысли: 1. «Любовь вложена в нас Создателем, Который соделал ее главным свойством и одновременно потребностью каждой разумной человеческой души» [Владимиров, 2012, с. 62]. 2. Любовь не должна причинять какого-либо страдания, вносить дисгармонию в сердце. 3. Настоящая, добродетельная любовь способна выражаться в творческих порывах.

Таким образом, автор говорит нам, что любовь приходит к каждому человеку, без исключения. Но читатель должен понимать, что истинное чувство любви на-

правлено на созидание, а не на разрушение. Любовь – это не эгоистическое желание единоличного обладания, это желание делиться, открывать ее для других. Ценность «любовь» является базовой в русском языковом сознании и в художественной литературе [Бурмакина, Мамаева, 2018; Васильев, Васильева, Тимченко, 2015]. Образность речи и сложность синтаксиса призваны помочь автору добиться поставленных задач.

Объектом речи пятнадцатой главы «Пасха» становятся детские впечатления о празднике Пасхи. Семья Владимировых религиозностью не отличалась. Бабушка брала внуков в церковь только в этот праздник. Что было возможным лишь благодаря ее знакомому – руководителю церковного хора в храме. Только он мог провести детей на службу, преодолевая множество преград из патрулей милиции и комсомольцев. Образ этого человека соединился у мальчика с образом быка, разрезающего волны своей могучей грудью, на картине Валентина Серова «Похищение Венеры». Такая параллель, сравнение сделали восприятие этой главы для читателя очень легким, наполнили ее образностью, а это всегда призвано натолкнуть на размышления.

«Спаситель наполнял мою душу ощущением пасхального торжества, но Сам покуда не являл Своего светлого лика; Он, наш смиренный и кроткий, долготерпеливый Господь, ведал, что время еще не пришло...» [Владимиров, 2012, с. 95]. Образ Спасителя рисуется автором очень ярко, все эпитеты положительно окрашены и призваны создать образ умиротворяющий, любящий. Объект речевых событий отмечает этот день, не понимая его значения, ничего не зная об обычаях, с ним связанных. Он просто рад вкусной еде, единению семьи и внутреннему ощущению светлого праздника. Субъект речевых событий осознает всю сакральную суть этого дня, ему открыто великое знание. И праздник Пасхи для него много больше, чем семейные посиделки и покраска яиц.

Рассказчик описывает в шестнадцатой главе «Подростки» случай из летнего отдыха на даче, где близнецы проводили все каникулы. Близость природы значила для братьев очень много. «Сознавали ли мы свое счастье? Думаю, в полной мере – нет... Нет, потому что, купаясь в милостях Творца, не знали Его и не умели благодарить за непрестанные благодеяния» [Владимиров, 2012, с. 96]. Незаконченное предложение призывает к размышлению, метафора «купаясь в милостях» придает положительную оценочность произошедшего, сложность синтаксиса подчеркивает сложность мыслительного процесса субъекта речи.

Купаясь в реке, мальчики решили поднырнуть под металлической пристанью. Дмитрий легко справился с задуманным, а вот Артем, будучи неуверенным в своих силах, ударился сильно головой о металлическое дно и едва не захлебнулся: «Господи! Тебе угодно было тогда сохранить мою жизнь, глупого и нерассудительного человеческого детеныша, не успевшего еще познать Тебя и потрудиться во славу Твоего имени!..» [Владимиров, 2012, с. 100]. Восклицательные предложения подчеркивают эмоциональность высказываний, что служит методом большего воздействия на адресата речи. Объекты речевых событий в бла-

гополучном исходе происшествия видят просто удачу и собственную ловкость. А для субъекта очевидно – что это только промысел божий и его защита. Ведь близнецы все же были крещены при рождении, хотя и не имели защиты в виде нательных крестиков.

В начало восемнадцатой главы «Сочувствие» вынесен тезис: «Не всегда и родители понимают, что главным воспитательным средством для них служит не слово, а образ их жизни» [Владимиров, 2012, с. 108]. И автор раскрывает взаимоотношения родителей в своей семье, рассказывает, чему он научился от своих родителей в личных отношениях. «Теперь-то мне ясно, что их спокойная речь, мирные собеседования друг с другом, мягкие и приятные улыбки во время диалога – все это ложилось в основу нашего благобытия, незримо воздействовало и формировало склад детской души и самое видение мира, мирочувствие» [Владимиров, 2012, с. 108–109]. В памяти героя остался лишь один эпизод спора между родителями, и то узанный только по интонации, никаких оскорблений и бранных слов. Слова «благобытия» и «мирочувствия» относятся к церковной, православной лексике, подчеркивая принадлежность субъекта речи к миру богослужения. Автор соединяет слова «благо» и «бытие», «мир» и «чувство» как неразделимые, единые понятия. Кроме того, слово «благо» имеет помету – высокое [Ожегов, 2013, с. 54], а слово «бытие» – книжное (Ожегов, 2013, с. 66), что позволяет говорить о почтительном, высоком отношении субъекта речи к описываемым понятиям. Восклицательные конструкции предложений и сложный синтаксис направлены на большее эмоциональное воздействие на читателя.

В зачине двадцатой главы «Первенец» рассказчик рассуждает об оптимальном количестве детей в одной семье. И приходит к выводу, что это число три: «Впрочем, дорогие читатели, эти размышления никоим образом не претендуют на обязательность» [Владимиров, 2012, с. 122]. Эпитет «дорогие» – такие, которыми дорожат (Ожегов, 2013, с. 153), – призван подчеркнуть значимость адресатов речи для автора.

Следует рассказ о старшем ребенке в семье Владимировых – Андрее. Он с честью нес звание старшего брата и всегда оберегал, защищал и напутствовал младших. Даже если силы были не равны, чувство справедливости вело его вперед. В заключение сообщается, что старший брат давно уже не Андрей. Он получил от Господа иное имя и прибывает в древней русской обители: «Вполне оправдав значение своего первого имени, первенец взошел от детских подвигов во имя земной справедливости к трудам пастырского окормления бессмертных душ» [Владимиров, 2012, с. 130]. Субъект речи специально выделяет слова «первого» и «первенец». Первое – как истинное, настоящее, predeterminedенное свыше. Андрей всегда шел первым, прокладывая путь братьям, и на момент написания произведения пришел в пункт своего назначения.

В зачине двадцать восьмой главы «Неверие» дается реалия времени детства автора: «XX век берег наше детство, но и настойчиво отстранял нас от света Христова. Все мы были в этом отношении детьми “пионерского подземелья”». Родные бо-

ялись говорить нам о вере, а чужие не боялись растлевать детские души неверием. Бедные школьники! Как легко вы и поныне улавливаетесь всякого рода прельщениями и обманами, особенно если они “спускаются сверху”, то есть санкционированы “вышестоящими инстанциями”!..» [Владимиров, 2012, с. 180]. Риторическое восклицание, синонимический ряд и незаконченность предложения усиливают эмоциональное воздействие на читателя, делают речь субъекта речи выразительнее и проникновеннее. Далее следует яркая иллюстрация. Описывается случай, когда в седьмом классе близнецам объявили о визите в их школу Черткова: «Он приобрел известность еще в 60-е годы, когда, будучи студентом Московской духовной академии, с шумом отрекся от веры» [Владимиров, 2012, с. 180]. Подготовку этих событий школьники, конечно же, не знали и принимали все «за чистую монету». Лектор поведал о собственном безбожии и несовместимости веры в Бога с «реальной» жизнью. Сердце Артема внимало изошренным речам с полным доверием. Бабушка Любовь не разделила восторженность внука: «Тема, я думаю, что он не может быть хорошим человеком...» [Владимиров, 2012, с. 182].

Через некоторое время бабушка решила привести Артема в церковь. Но поднявшись на крыльцо, мальчик испугался и, вырвавшись, убежал прочь, как будто за ним гнались злейшие враги, а для субъекта речи вывод очевиден: «Время еще не пришло» [Владимиров, 2012, с. 184]. Позднее герой узнал о Черткове следующее. Окончив после «отречения» Институт марксизма-ленинизма, он стал разъезжать по всей стране со своей дежурной лекцией. В зале московского политехнического института одна студентка задала вопрос: «Скажите, пожалуйста, Вы от Христа отреклись, как Петр или как Иуда?» Говорят, лектор, застыв на месте, так и не нашелся, что ответить на это удивительное вопрошение» [Владимиров, 2012, с. 185].

В заключение автор рассуждает о природе безбожия разных людей. И в этом рассуждении явственно проявляется субъект речевых событий и его позиция: «С возрастом приходит мудрость, а мрак лжи рассеивается и обращается в небытие. Но, думаю, целительное воздействие времени объясняется более глубокой причиной. Эта причина – молитва. Незримая, неведомая никому из нас молитва, теплящаяся в сердечной глубине того, кто любит нас и терпеливо ждет... Ждет часа нашего подлинного прозрения и прилежно об этом молится. Это прозрение, наконец, наступает, увы, весьма часто после кончины молившегося за нас с любовью человека» [Владимиров, 2012, с. 185]. Сложный синтаксис, неоконченное предложение направлены заставить адресата речи задуматься над этим вопросом. Автор только задает вектор этих размышлений.

В начало тридцать первой главы «Кончина» автор поместил размышления о реакции подростка Артема на весть о кончине бабушки: «Чемпионат мира по футболу совершенно захватил меня в плен, и страшное известие о смерти родного человека не оторвало школьника от футбольных страстей» [Владимиров, 2012, с. 197]. Субъект речевых событий видит в этом происки Лукавого, но Господь проявился и не дал ему воплотить задуманное: «Не верю, что ее нет! Мое сердце только-только в полной мере осознало, насколько я ее люблю! Эта любовь греет и умиря-

ет мою кровотокающую скорбью душу! Любовь не может быть направлена в никуда! Я чувствую любовь Були ко мне! Любовь соединяет наши сердца и живет их! Значит, бабушка не умерла, но ушла! Она сейчас где-то, но уже не здесь» [Владимиров, 2012, с. 199–200]. Обилие восклицательных предложений подчеркивает эмоциональные терзания мальчика в этот день. Лексика преобладает отрицательно окрашенная. Сложный синтаксис показывает сложную работу мыслей в его голове и сердце. Как катарсис выступает идиома «прозрел духовно».

Объект речевых событий в ту ночь переродился или родился для новой жизни. Эту новую жизнь для него открыла бабушка своим уходом. Она ввела его в храм веры, едва лишь сама вошла в вечность. Душа возродилась: «В поисках восстановления общения с бабушкой, я обрел Бога, Которого еще не знал и не называл по имени, но Он уже простер мне Свои милостивые объятия, исхитив из непроницаемого мрака – неверия и отчаяния – в Свой чудный Божественный Свет» [Владимиров, 2012, с. 202]. Описывая божественное проведение, автор использует лексику, которая приобретает положительную окраску, а вот синтаксис простым не становится.

В начало тридцать второй главы «Поиск» вынесен тезис: «Что имеем не храним, потерявши – плачем». Кончина бабушки произвела переворот в душах троих внуков. Ее уход стал импульсом для поиска сокровенного смысла. Автор сравнивает этот процесс в его душе с весенним половодьем на реке, когда она освобождается от сковывающего ее льда. Артему стало ясно, как эгоистично они, дети, относились к бабушке. Тогда внук написал первые в своей жизни стихотворения. И именно тогда он нашел в бабушкиной шкатулке старинное Евангелие, принадлежавшее еще его прабабушке, Александре Михайловне Глебовой, крестнице Петра Аркадьевича Столыпина. Там же мальчик нашел «два простых оловянных крестика на синей и розовой ленточках – непреложный знак нашего с братцем крещения в трехлетнем возрасте в подмосковном храме» [Владимиров, 2012, с. 207]. Форма слова «братцем» – уменьшительно-ласкательная – подчеркивает любовное отношение автора к детскому возрасту и своему родственнику.

Объектом речевых событий тридцать третьей главы «Чаша» становится первый шаг студента-филолога к Богу. Автор показывает, что путь до этого шага был не близкий. С момента смерти бабушки и до этого первого шага прошел не один год. Душа искала свой путь все это время. И ответ был найден совсем рядом от дома. Это была церковь, куда некогда бабушка уже пыталась привести Артема. Год за годом внук слышал призывный звон колоколов, но не внимал ему. «Закрты были не уши, но сердца...» [Владимиров, 2012, с. 214]. Незаконченность предложения оставляет возможность читателю поразмышлять, сделать свои выводы, провести параллели со своей жизнью. И вот момент пришел. Однажды утром, отправляясь в университет на лекцию по КПСС, Артем вдруг повернул в противоположном направлении и направился к церкви. В храме шла служба, в которой студент ничего не понимал, но душа его ощутила отчий дом: «Вот оно то, чего я искал! <...> Моя душа встрепенулась – и взлетела в горние обители, исполнившись невидимо-

го внешнему оку Божественного света. Я забыл весь окружающий меня мир» [Владимиров, 2012, с. 216]. Риторическое восклицание – пиковая точка в духовных поисках объекта речи, выразитель наибольшей эмоциональности момента.

Когда вышел священник с чашей, «я почему-то сказал сам себе, точнее, услышал в глубине сердца: “Это тебе, это твое”» [Владимиров, 2012, с. 217]. Для чего была эта чаша, Артем не знал. А священник, увидев юношу спросил: «“Миленький, а ты исповедовался?”» [Владимиров, 2012, с. 217]. Форма слова «миленький» – ласкательная – подчеркнула отношение священника ко всякому новому человеку в храме. Готовность приласкать, обогреть, выслушать вложена в это обращение. Священник предложил остаться после службы на исповедь. Отойдя от чаши, студент вдруг заплакал и выбежал из храма: «Не то ли, что чувствует младенец, когда его отторгают от теплой и щедрой материнской груди?.. Таким и чувствовал я себя тогда – совершенным младенцем, обретшим отчий дом, но не удостоившимся родительского хлеба. От текущих слез мне становилось все легче и легче, как будто что-то тяжелое, мутное, годами копившееся в душе, выходило вон» [Владимиров, 2012, с. 218]. Риторический вопрос, адресованный читателю, направлен на пробуждение его к рефлексии. Метафоричный оборот придает этому эпизоду эмоциональность, служит лучшему воздействию на восприятие адресата речи.

Но к исповеди Артем пока еще был не готов и на следующий день в храм не пошел: «Для нового шага ко Христу потребовался еще месяц-другой. Но благодать Господня уже таинственно веяла в моей душе и призывала ее к покаянию...» [Владимиров, 2012, с. 218]. Отношение субъекта речи к этой ситуации в тексте отражения не нашло. Наверное, по причине полного совпадения с объектом речи.

Автор останавливается на описании одного события тридцать четвертой главы «Исповедь», «в котором, однако, склонен видеть точку отсчета и одновременно точку опоры всего своего бытия» [Владимиров, 2012, с. 219].

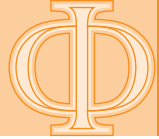
Получив приглашение на исповедь, Артем не воспользовался им тотчас, но «в душе свершалась незримая работа, может быть, и не совсем мною тогда осознаваемая» [Владимиров, 2012, с. 220]. Когда юноше попала в руки книга «Загробные мытарства блаженной Феодоры», где речь шла о человеческих грехах и посмертном воздаянии за них на Божиим Суде, он в волнении стал ее конспектировать. Ему казалось, что «сам Ангел-Хранитель внимал тогда потугам юноши-христианина подготовиться к первой в его жизни исповеди» [Владимиров, 2012, с. 221]. И на следующее утро юноша снова отправился в храм. Это далось ему очень нелегко. Он выговорил все, что тяготило его душу все эти годы, начиная с самого детства. Батюшка выслушал и прочел над ним разрешительную молитву: «Я почувствовал, что стал легким, как перышко, совершенно невесомым! Не только душа моя окрылилась, но все составы и сочленения, мышцы и кости, казалось, очистились и пели бессловную песнь хвалы и благодарения Спасителю Богу» [Владимиров, 2012, с. 226]. От избытка чувств Артемий, как и в первый раз, вышел на крыльцо храма. После суетной внутренней борьбы автор рисует картину полного умиротворения, тишины, покоя на душе объекта речи.

Заканчивается глава произошедшей в объекте речевых событий переменной: «Господи! Какой чудный, незабываемо яркий мир открылся моему взору! Все было новым, нетленным, прекрасным! <...> Отчий лик, который отныне стал для меня видимым – очами простой, зрячей и горячей веры» [Владимиров, 2012, с. 226–227]. Этим рассказом заканчивается произведение о детстве, отрочестве и юности Артемия Владимирова.

Субъектная сторона речи выражена в подборе слов, описывающих состояние души героя: «Чудный, яркий мир», «яркое солнышко», «лучи сыпались», «бездонное, голубое, необъятное небо», «горячая вера». Все эти лексемы эмоционально положительно окрашены и призваны вызвать в душе читателя такой же мир и покой, какой обрел и герой повествования, сделать изображаемую картину привлекательной, манящей, дарующей надежду и благодать господню. На этом произведение заканчивается, но автор сообщает адресату речи, что дальнейшая судьба его героя описана в других работах писателя. Протоиерей таким способом предлагает всем заинтересовавшимся продолжить общение с его литературными творениями.

Мы определили также, что во всех главах объекты речевых событий служат иллюстрацией для итоговых выводов субъекта речи, а главный вывод состоит в том, что вся жизнь героя была подготовкой его к встрече с Богом: «Бог, бесконечно богатый в милости и щедротах, свидетельствовал нам, малышам, о Своей благодати и нетленным прикосновением положил в тот час на чистые детские сердца печать тишины, безмолвия и мира... Пусть на одно мгновенье. Но и ныне в нем – вся моя жизнь и упование» [Владимиров, 2012, с. 100]. Каждая история – это переплетение объекта и субъекта речевых событий. Оценка произошедшего с точки зрения объекта речи и следом осмысление этого эпизода субъектом речи. Оценка объекта речи: «Брат, видимо, страшился, что тот (гриб) на сковородке может потеряться в общей массе зажаренных грибов и потому опередил события отважным, но не слишком честным поступком». Отношение субъекта речи: «Запретный плод только кажется сладким, но по вкушению чрево всегда чувствует горечь, а сердце наполняется печалью и разочарованием» [Владимиров, 2012, с. 87–88]. Два плана сосуществуют и постоянно взаимодействуют. С той лишь разницей, что объект речи осмысляет все через житейские, земные категории, а субъект – через божественное проведение.

Нами установлено, что субъектно-объектное соотношение выражено и через подбор языковых средств. Словарный состав языка произведения представляет собой синтез общеупотребительной (*внук, бабушка, квартира*), книжной и высокой (*восходит, простереть, миролюбие*) лексики. Выразительными средствами повествования чаще всего выступают эпитеты (*удивительные уроки, духовные сироты*), метафоры (*ковер опавшей листвы*), в том числе развернутые (*утренняя прохлада обдавала нас ветерком, в невидимых струях которого совершали свой прощальный танец ярко-желтые и красно-зеленые листья кленов*), олицетворение как метафора, осложненная сравнением (*приро-*

да говорила со мной, как старая добрая нянюшка), гиперболические сравнения (рослый господин, как башня Биг-Бена).

Автор призывает задуматься, осмыслить свою жизнь в кризисную эпоху начала XXI в. В этом состоят основная задача и смысл произведения. Назидательность, призыв к поиску духовного просвещения и обретению Небесного Отца – таковы преобладающие и наиболее частотные (в 30 главах из 34) соотношения субъекта и объекта речевых событий в произведении протоиерея Артемия Владимирова «С высоты птичьего полета».

Список словарей

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Мир и Образование, 2013. 736 с.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). 880 с.
2. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 157–162.
3. Бурмакина Н.А., Мамаева Т.В. Аксиологическая доминанта «Любовь» в языке повествователя «Рассказы сибиряка» В.И. Соколовского // Сибирский филологический форум. 2018. № 2. С. 1–14.
4. Васильев А.Д., Васильева С.П., Тимченко А.Г. Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2015. 204 с.
5. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
6. Владимиров А. С высоты птичьего полета. М.: АРТОС, 2012. 230 с.
7. Гончарова Е.А. Пути лингвистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте. Томск, 1984. 152 с.
8. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.
9. Романова Г.И. Литературное произведение как художественное единство (форма и содержание) // Литературная учеба. 2004. Кн. 1 (январь-февраль). С. 199–208.
10. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Сведения об авторах

Бурмакина Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Хлякин Олег Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры латинского и иностранных языков, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: khlyakin@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-5-1-02>

CORRELATION OF THE SUBJECT AND SPEECH EVENTS' OBJECTS IN THE BOOK BY ARTEMY VLADIMIROV «FROM A BIRD'S EYE VIEW»

N.A. Burmakina (Krasnoyarsk, Russia)

O.S. Khlyakin (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to the problem of describing the semantic and structural organization of the correlations between objects and the subject of speech events in an autobiographical work. The source of the study is the text of Artemy Vladimirov's book "From a bird's eye view". The interest to this author is primarily due to his personality. Archpriest Vladimirov graduated from the Philological Faculty of Moscow University. The author's childhood (described in the work) happened to elapse among extraordinarily talented people, widely known in the Soviet Union. They were physicists, sculptors, professors, poets, writers and descendants of great painters. It should be noted that Artemy Vladimirov is now a living member of the Union of writers of Russia, as well as the Head of the Department of Homiletics of St. Tikhon Orthodox Humanitarian University, Deputy Dean of the Faculty of Orthodox Culture of the Academy of Strategic Missile Forces.

The subject of the research is the functional features of lexico-semantic organization of object-subject relations in the selected text. These relations are (1) the exponents of the great emotional, aesthetic and semantic charge; (2) they are the defining component of the work's worldview; (3) they are used by the author as the main means in the characterization of the leading values of Vladimirov's art: life, death, God.

The purpose of this work is to determine the features of the subject and object of speech events in the individual language system of Artemy Vladimirov.

The research is based on the linguistic analysis of the text built upon the concept of B.O. Korman in the description of the subject and the object of speech events and the principles of N. S. Bolotnova, which included these relations in the elements of structural analysis of the text.

The analysis revealed that the majority of the chapters are built on the principle of Christian preaching: the thesis is based on the experience of life (memories of the author's childhood), in conclusion, the author sees the Providence of God: the Lord is watching all the actions of man, nothing happens without His will. In all the chapters the objects of speech events serve as an illustration for the final conclusions of the subject of speech, and the main conclusion is that the whole life of the hero was preparing him for a meeting with God. Each story is an interweaving of the object and the subject of speech events. Assessment of what happened from the point of view of the object of speech and then understanding this episode by the subject of speech.

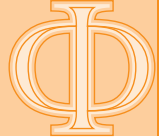
Key words: *subject of speech, object of speech, linguistic analysis of the text, individual linguistic picture of the world, values, linguistic personality, personality of the author.*

Spisok slovani

1. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar` russkogo yazy`ka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskix vy`razhenij / pod.red. prof. L.I. Skvorczoava. 27-e izd., ispr. M.: Mir i Obrazovanie, 2013. 736 s.

Bibliograficheskij spisok

1. Baxtin M.M. Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 3. Teoriya romana (1930–1961 gg.). M.: Yazy`ki slavyanskix kul`tur, 2012. 880 s.

2. Bolotnova N.S. Kommunikativnaya stilistika xudozhestvennogo teksta // Stilisticheskij e`nciklopedicheskij slovar` russkogo yazy`ka / pod red. M.N. Kozhinoj. M.: Flinta: Nauka, 2003. S. 157–162.
3. Burmakina N.A., Mamaeva T.V. Aksiologicheskaya dominanta «Lyubov`» v yazy`ke povestvovatelya «Rasskazy` sibiryaka» V.I. Sokolovskogo // Sibirskij filologicheskij forum. 2018. № 2. S. 1–14.
4. Vasil`ev A.D., Vasil`eva S.P., Timchenko A.G. E`tnokul`turnoe soznanie i samosoznanie sibiryaka, otrazhyonnoe v yazy`ke: monografiya / Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf`eva. Krasnoyarsk, 2015. 204 s.
5. Vinogradov V.V. O yazy`ke xudozhestvennoj literatury`. M.: Goslitizdat, 1959. 656 s.
6. Vladimirov A. S vy`soty` ptich`ego poleta. M.: ARTOS, 2012. 230 s.
7. Goncharova E.A. Puti lingvisticheskogo vy`razheniya kategorij avtor – personazh v xudozhestvennom tekste. Tomsk, 1984. 152 s.
8. Korman B.O. Izuchenie teksta xudozhestvennogo proizvedeniya. M.: Prosveshhenie, 1972. 110 s.
9. Romanova G.I. Literaturnoe proizvedenie kak xudozhestvennoe edinstvo (forma i sodержanie) // Literaturnaya ucheba. 2004. Kn. 1 (yanvar`-fevral`). S. 199–208.
10. Schmid B. Narratologiya. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 2003. 312 s.

About the authors

Burmakina Natalia Alekseevna – PhD in Philology, associate professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafieva, Krasnoyarsk, Russia; e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Khlyakin Oleg Sergueevich – PhD in Social Philosophy, associate professor of the Department of Latin and Foreign languages, Krasnoyarsk Voyno-Yasenetsky State Medical University, Krasnoyarsk, Russia; e-mail: khlyakin@yandex.ru